

УДК 94(3)

**ЭПИЗОД ИЗ ЖИЗНИ ГАЛЛО-РИМСКОГО ОБЩЕСТВА V В.
(ПОСЛАНИЕ СИДОНИЯ АПОЛЛИНАРИЯ МОНЦИЮ, 461 Г.)****EPISODE FROM THE LIFE OF GALLO-ROMAN SOCIETY IN 5 CENT.
(SIDONIUS APOLLINARIS' LETTER TO MONTIUS, 461 A.D.)****Е.В. Литовченко****E.V. Litovchenko**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85,

Belgorod National Research University,
85, Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: Litovchenko@bsu.edu.ru

Аннотация

Исследование содержит вступительную статью, перевод одного из посланий галло-римского аристократа и епископа Сидония Аполлинария (Ep. I, 11) и комментарии к нему. Кратко анализируются факторы, способствовавшие сохранению идентичности в переходную эпоху. Риторическое образование и занятия литературой позволяли представителям нобилитета овладеть приемами, которые делали возможным осуществление властных функций и на государственном посту, и в качестве духовного пастыря. В послании излагаются события, произошедшие в Арле в 461 г., во время второго визита императора Майориана в Галлию. В центре сюжета - скандал в Арле вокруг анонимной сатиры, открыто высмеивающей некоторых высокопоставленных лиц.

Abstract

This research contains the introductory article, translation and commentary on one of the letters of Gallo-Roman nobleman and bishop Sidonius Apollinaris (Ep. I, 11). The author briefly analyzes the factors promoting the preservation of identity in the transitive epoch. Rhetoric education and literary activity allowed the Late Antique noblemen to acquire a "technical" skill which help to realize the power duties not only as political office holder but also as a clergyman. This work is devoted to a translation of the eleventh letter of the first book, addressed to Montius, an acquaintance of Sidonius and to commentary on the text. Epistula describes the events that took place in Arles in 461 A.D., during the second visit of Emperor Majorian to Gaul. In the center of the plot is a scandal in Arles around anonymous satire, openly ridiculing some high-ranking people. The hermeneutic method or method of interpretation is used as the key in the work. Using the method we try to reduce from the modern constructs of the consciousness and to "dip" into the reality of the Late Antiquity world for more clear understanding of the past.

Ключевые слова: Поздняя Античность, галло-римская элита, Сидоний Аполлинарий, литературная традиция.

Keywords: Late Antiquity, Gallo-Roman elite, Sidonius Apollinaris, literary tradition.

Неослабевающий интерес к личности галло-римского литератора V в. Сидония Аполлинария объясняется не только тем, что он являлся свидетелем эпохальных событий в меняющемся мире, не только его многочисленными талантами в области политики, литературы, духовного наставничества, но и его успешной «социокультурной модернизацией», основанием которой можно считать разумный баланс между происходящими в обществе изменениями и сохранением культурных традиций.

Социокультурная идентичность определяет осознание человеком своего реального места в мире, но в ситуации цивилизационных трансформаций сложно не утратить привычных жизненных ориентиров. На наш взгляд, Сидонию удалось сохранить свою иден-

тичность как галльского потомственного аристократа, политика имперского масштаба и, одновременно, духовного пастыря в складывающемся христианском обществе. Одним из факторов, способствующих сохранению галло-римской идентичности, был прием «визуализации прошлого» [Mratschek, 2013, p. 250], используемый Сидонием (напр., гекзаметры из Лукана, относящиеся к троянскому происхождению Оверни, служат для создания образа осажденного населения Клермона как братьев Рима).

В целом, фундаментом для успешных идентификационных процессов послужили риторическое образование и занятия литературой. Тезис Ральфа Матизена о том, что «литературная деятельность в последние десятилетия существования Галлии играла еще большую роль, чем прежде, в качестве фактора, определяющего аристократический статус» [Mathisen, 1988, p. 52] как нельзя лучше отражает эти процессы. Данный критерий тем более важен, что на фоне общего упадка культуры классическая литературная традиция поддерживалась немногими избранными, кто ее ценил и сохранял, отчетливо осознавая, при этом, реальное положение дел: «...достоинства таких искусств, которые в наши дни, подобно иссушенным семенам, утратили свою силу в нынешней старости мира и только в немногих <людях> продемонстрировали что-то чудесное или запоминающееся...» (Sid. Ep. 8. 8. 3).

Латинская литература на фоне политического коллапса Западной империи использовалась в новом контексте, открывая мир изменений, динамических культурных процессов, сопутствовавших новым формам власти [Smith, 2005, p. 15]. Джулия Смит верно полагает, что литература понимается в данном контексте как технология власти. Она выделяет два признака, позволяющих это утверждать: 1. Индивидуальность и их доступ к соответствующим «техническим» умениям, которые делали возможным осуществление властных функций; 2. В институциональном измерении, в среде аскетичного христианского сообщества постепенно появляются сторонники принципов элитарной литературной культуры, увековечившей ее классические традиции [Ibid.].

В контексте вышеизложенного представляется актуальным перевод послания Сидония, посвященного его триумфу как остроумного собеседника в кругу высшей аристократии под предводительством самого императора и литератора, способного на моментальный поэтический экспромт. В XI письме I книги¹ (Sid. Ep. I, 11) подробно излагаются события, произошедшие в Арле в 461 г., во время второго визита императора Майориана в Галлию. Причиной большого переполоха в Арле стала анонимная сатира, поскольку ее автор высмеивал некоторых из персонажей, подвизавшихся при императоре. Центральная фигура сатиры, Пеоний, был полон желания разоблачить и наказать пасквилянта. Он публично обвинил Сидония, надеясь на его падение. Вместо этого конфуз в присутствии императора произошел с самим Пеонием, т.к. Майориан на пиру одобрил поведение своего нового друга, Сидония, возмущившись недоказанной инсинуацией. Майориан слыл поклонником эпистолярного жанра и панегириков, поэтому Сидоний быстро стал *persona grata* в кругу приближенных. Пристальное внимание Сидония к деталям дела объясняется его новым возвышением и триумфом, увенчавшим борьбу с недоброжелателем.

***

«Сидоний приветствует своего Монция². [1] Накануне твоего отъезда с целью навестить своих людей (секванов³), ты, самый красноречивый из <моих> друзей, попросил у меня экземпляр сатирического произведения, предполагая, что это действительно мое сочинение. Должен сказать, что просьба удивила меня; некрасиво таким образом делать поспешные и неверные выводы о поведении друга. Неужели это возможно? То, что в моем-то возрасте и с моим полным отсутствием свободного времени, я должен направить свою энергию на такой вид литературы, которым было бы дерзко заниматься и в молодости и, без сомнения, рискованно публиковать. Неужели, просто шапочного знакомства с

¹ Перевод сделан по изданию: Sidonii Apollinaris Epistularum Liber Primus // The Latin Library. The Classics Page. The Miscellany. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/sidonius.html> (дата обращения: 30.07.2017).

² *Montius* – друг Сидония, которого автор именует «*vir disertissime*», красноречивейшим из мужей. Сведений о его биографии не сохранилось.

³ *Sequani* – галлы, территориально располагавшиеся между Сеной, Роной и Юрой (с центром в совр. Безансоне).

грамматиком было бы достаточно, чтобы вспомнить рекомендацию Калабрийца¹: «*Кто дурно про кого напишет, таковой повинен суду и ответу?*»

[2] Предупреждая доверчивость такого рода, что касается твоего старого друга, я буду излагать довольно подробно, и сначала, события, которые обрушили на меня отголоски² общественных пересудов. В правление Майориана при дворе была распространена анонимная, но очень едкая сатира в стихах, грубая в своей обличительности, она злоупотребляла в своих интересах беззащитными именами и, хотя бичевала пороки, эта атака имела, прежде всего, личностный характер. Жители Арля (этот город стал ареной тех событий) были очень взволнованы, они хотели знать, на которого из наших поэтов пало бремя общественного негодования; во главе их стояли люди, которых неизвестный автор наиболее явно заклеил.

[3] Случилось так, что прославленный Катуллин³ прибыл в этот момент из Клермона. Всегда бывший моим близким другом, в то время он был ближе мне, чем когда-либо, поскольку мы вместе служили, а общий долг вдаль от дома сближает (ты знаешь, как!) сограждан. Итак, Пеоний⁴ и Бигерр⁵ установили ловушку для ничего не подозревающего гостя: они застали его врасплох, и поинтересовались, прежде многочисленных свидетелей, был ли он знаком с новым стихотворением. «Могу я услышать что-нибудь из него?» - спросил Катуллин, но, когда они стали цитировать различные отрывки из этой сатиры, он расхохотался и торжественно заявил, несколько не к месту, возможно, что такие стихи заслуживают увековечивания золотыми буквами на трибуне⁶ или даже Капитолии⁷. [4] От этого Пеоний вспыхнул, так как он был человеком, который больше всех пострадал от укуса огненного зуба сатирика. «Ха!» - вскричал он толпе, привлеченной к этому месту, - «я раскрыл автора, вызвавшего общественный гнев. Только посмотрите на Катуллина, полумертвого от смеха, он явно знал все детали заранее. Как он мог таким образом предвидеть и сделать выводы на основании только части услышанного, если б уже не был знаком с целым? Мы знаем, что Сидоний в Оверни. Легко установить, что он написал <эту> вещь, и что Катуллин был первым, кто услышал это из его уст». Я не только отсутствовал <при этом>, но и <оставался> несведущим и невинным, как младенец, что не помешало буре ярости и брани, направленной на меня; они забыли о преданности, порядочности и справедливости; [5] такую силу имел этот народный любимец, представляя переменчивой толпе все, что ему хотелось. Как ты знаешь, Пеоний - демагог, хорошо владеющий искусством трибуна разбираться в бурных водах раздоров и интриг. Но, если бы ты спросил: «Каково его происхождение и откуда он родом?»⁸ <я бы ответил>, известно, что он не более, чем простой гражданин, которому возвышение его отчима принесло общественного внимания больше, чем уважения в его собственном доме. Он стремится <к карьерному> росту постоянно и, очевидно, что он будет следовать всему, что способствует достижению цели, здесь я имею в виду, что по своей натуре он будет действовать открыто для продвижения <своих дел>. Напри-

¹ Квинт Гораций Флакк (Ног. S. 2.1.83).

² Букв. «*fumus*», т.е. дым, туман.

³ *Catullinus* – государственный деятель при императоре Майориане, возможно, *tribune et notarii* в Риме. Во время описываемых событий Катуллин обладал титулом *vir clarissimus*, но вскоре стал *vir illustris*. Вероятно, в этом же, 461 г., Катуллин просил Сидония сочинить эпиграммой, скорее всего, на свою собственную женитьбу. В ответ Сидоний написал стихотворение, объяснявшее причины, по которым поэт не может это сделать (Sid. Carm. XII). [Martindale, 1980, p. 272-273].

⁴ *Raeonius* – префект претория Галлии в 456-457 гг., упоминается только в письме Сидония. Незнатного происхождения, возможно, из куриалов, но удачно женившийся сам, и не менее удачно выдавший замуж свою дочь. Ему удалось, благодаря своим лидерским талантам, занять пост префекта Галлии в период междуцарствия (после Авита до Майориана), хотя он был, по словам Сидония, всего лишь *vir spectabilis* (11.6) [Ibid., p. 817].

⁵ *Bigerrus* – упоминается только в данном письме Сидония, поэтому никаких иных сведений о нем нет [Ibid., p. 230].

⁶ Трибуна на форуме Древнего Рима, украшенная рострами кораблей, захваченных у неприятеля.

⁷ Здесь Сидоний отсылает нас к пассажи Светония о стремлении римлян выбить строки Нерона золотыми буквами и посвятить их Юпитеру Капитолийскому (Suet. Ner. 10), однако сама идея - гораздо старше Нероновской эпохи, если иметь в виду фрагмент «Естественной истории» Плиния Старшего: «Затем люди причислили к оракулам и спартаца Хилона (один из семи древнегреческих мудрецов, который жил около середины VI в. до н. э.), увековечив золотыми буквами в Дельфах три его наставления, суть которых такова: познай себя самого, не желай ничего слишком, долги и тяжбы приносят несчастье» (Plin. N.H. VII. 119) [Sidonius, 1936].

⁸ *Qui genus? unde domo?* Кто вы? Откуда ваш род? (Verg., Aen., VIII. 114).

мер, обручение его дочери (против которой я бы не сказал и слова) принесло ему союз с семьей выше его собственной по положению. Наш Хремет¹, если слухи не врут, объявил Памфилу² приданое за нее, значительно превосходящее установленный в обществе стандарт. [6] Опять же, когда замыслился заговор Марцелла³ о захвате короны, что же сделал наш друг? *Novus homo*⁴, при его сединах, ему необходимо было встать во главе аристократической молодежи, пока в нужный момент усилия удачливой дерзости были бы вознаграждены в период междуцарствия, и, пока просвет в облаках, разбил бы показной блеск роскоши о безвестность его происхождения. Престол был вакантным, государство в смятении, но он, и только он, был лицом, не ожидающим верительных грамот (полномочий), взявшим на себя ответственность (*fasces*) в качестве префекта Галлии, и в течение нескольких месяцев поднявшимся, в глазах богов и людей, разделив трибунал⁵ с прославленными магистратами. Общественный деятель, заслуживший славу и почет к окончанию профессиональной карьеры, ему просто удалось получить признание в самом конце своего официального срока. [7] Префект и сенатор – такой «мудрости», что только мое уважение к личности его зятя предупреждает меня от разоблачения его, как он того весьма заслуживает, наблюдая его бесстыдное разжигание ненависти между достойными и недостойными, как против меня, все еще номинально считавшегося его другом, как будто бы я единственный человек нашего времени, способный рифмовать строчки. Я приехал в Арль, ничего не подозревая. Да, и как я мог <догадаться>? хотя мои враги были всерьез уверены, что я не осмелюсь на такое рискованное предприятие. На следующий день я выполнил свой долг перед императором, и дошел до форума, как я всегда и делаю. Как только я появился, заговор сразу расстроился, будучи такого рода, который не осмеливается дерзнуть⁶. Некоторые раболепно пали к моим ногам, унижаясь, забыв о приличиях, другие прятались за статуями или колоннами, чтобы избежать необходимости приветствия, третьи, опять же, с выражением сожаления на лицах шли рядом со мной. [8] Мне было интересно все время, откуда такая неумеренность в проявлении чувств, сначала оскорбительное высокомерие, а теперь самоуничужение, но я решил не спрашивать, когда один из этой шайки, без сомнения, выдвинутый <остальными> на эту роль, вышел вперед, чтобы обменяться приветствиями. Мы поговорили и, между прочим, он заметил: «Вы видите этих людей?», «Да, разумеется», – ответил я, – «И я могу сказать, что их действия удивили меня до такой степени, что я был поражен». На что мой «посредник» возразил: «Из-за Вашей славы сатирика они демонстрируют этот страх и отвращение к Вам». «Как же так!», – воскликнул я, – «На каком основании? Когда же я дал им повод? Кто обнаружил преступление? Кто взял на себя ответственность и представил доказательства?» Затем, с улыбкой, я продолжал так: «Мой дорогой господин, если вы не возражаете, сделайте мне одолжение, спросив этих возбужденных граждан от моего лица, был ли <на самом деле> этот мнимый доносчик или шпион, который представил нереальную историю о том, как я написал эту сатиру. Если им неизбежно придется приносить извинения позже, для них же будет лучше отказаться от этого возмутительного поведения сразу». [9] Вскоре после того, как он сделал это заявление, все они подошли, чтобы поприветствовать меня, не по очереди, соблюдая правила приличия, но сразу надав всей толпой. Только лишь мой Курион⁷ остался в одиночестве изрыгать проклятия в

¹ *Chremes* – имя скупого, ворчливого и охающего старика в комедиях Теренция; стало нарицательным в новой аттической комедии.

² *Pamphilus* – другой персонаж Теренция, женившийся на дочери Хремета, при этом, приданое составляло 10 талантов (Terent. Andr. 950 fr.).

³ *Marcellus* – лицо, возглавившее заговор с целью вернуть престол императору Авиту в 456-457 гг., очевидно, заговор сам собой сошел на нет в связи со смертью Авита в начале 457 г. [Mathisen, 1996].

⁴ «Новый человек» – выскочка, человек незнатного происхождения, в отличие от представителей нобилитета, занявший курульную должность, или первый в роду, получивший престижное место [Дворецкий, 1976, с. 678]. Слово «*novus*» в латинском, вообще, носит негативный оттенок, например, имеет такие значения как «франний», «неслыханный», «неопытный», «непривычный» и т.п. [Francese, 2007, p. 208-209].

⁵ Имеется в виду возвышение, на котором восседали магистраты при исполнении служебных обязанностей.

⁶ Слова Лукана: «*nil fortiter ausa seditio*» (Fars. V, 320-325), «бунт, неспособный дерзнуть».

⁷ *Curio* – в данном случае глашатай.

адрес дезертиров, пока на закате дня он не поспешил прочь, уносимый рабами¹ домой так быстро, как, веспиллон² хоронит умерших бедняков по наступлению вечера.

[10] На следующий день император потребовал моего присутствия на пиру, который он давал по случаю игр (*circensibus ludis*). Первым с левого края находился консул Северин³, который правил на фоне бесконечной неустойчивости государственных дел и изменчивой Фортуны; рядом с ним расположился экс-префект Магн⁴, вдвойне уважаемый муж, который только недавно сложил с себя полномочия консула. Кроме Магна был его племянник Камилл⁵, который своими двумя званиями в равной степени прославил <свой род, добавив чести к> проконсульству своего отца и консульству дяди. Рядом с ним находились Пеоний и Атений⁶, человек, сведущий в судебных делах. Присутствующий здесь же Грацианий⁷, добродетельный муж, хотя и ниже рангом, чем Северин, но более уважаем. Я был последним слева от императора, который возлежал с правого края⁸. [11] Во время обеда цезарь адресовал несколько коротких высказываний консулу. Затем он повернулся к консуляру⁹, с которым перебросился несколькими фразами о литературе. После этого он обратился к Камиллу с таким замечанием: «Мой друг Камилл, у тебя такой замечательный дядя, что я горжусь тем, что даровал <в свое время> консульство твоей семье», на что Камилл, пользуясь случаем, ответил: «Первое, государь, но не единственное!», и даже присутствие императора не могло остановить громких аплодисментов, приветствующих остроумный ответ. [12] Случайно или целенаправленно, не могу сказать точно, почему, но император обошел вниманием Пеония и задал несколько вопросов Атению. Пеоний же имел дурную привычку – вмешиваться в разговор, отвечая за другого, прежде чем тот успел высказаться. Император только смеялся, сообразно своей манере быть доброжелательным в обществе тогда, когда он был на виду. Для Атения смех был своего рода компенсацией за пренебрежение, которое он перенес <, благодаря Пеонию>. Этот самый хитрый из всех старейших кипел, подавляя негодование, потому что Пеоний выскочил вперед него, но он успокоился, чтобы сказать: «Меня больше не удивляет, государь, что он пытается поставить себя на мое место, после того, как он только что <бестактно> вклинился в Ваш разговор». [13] Прославленный Грацианий тут же заметил, что этот эпизод открывает широкое поле для сатиры. В ответ на это император повернулся ко мне и сказал: «Послушай, благородный Сидоний, я слышал, что ты пишешь сатиры». «Я тоже, государь», - отвечаю. «Пощади хотя бы нас», - ответил он со смехом. «Я также пощажу себя», - говорю. Вслед за тем император спросил: «Можешь ли ты начать прямо здесь?» А я: «Кем бы ни был мой обвинитель, пусть выскажется публично и, если я действительно виновен, позволь мне понести наказание. Но, если я опровергну обвинение, я смиренно прошу Вашего разрешения написать то, что я сам решу о моем противнике, ради восстановления справедливости». [14] Император вопрошающе посмотрел на Пеония, <дескать>, принимает ли он условия? Сначала он <Пеоний> в замешательстве не мог вымолвить ни слова, наконец, однако, он смог сказать: «Я согласен с этими условиями, если ты найдешь им место в сти-

¹ *Cathedrarii servi* - рабы, переносящие носилки.

² *Vespillonius* - рабочий похоронной прислуги, выносившей и хоронившей умерших бедняков по вечерам.

³ *Severinus* – уроженец Галлии, поэт уровня Лампридия, Домнула и Сидония и ритор, сравниваемый с Квинтилианом (Sid. Carm. IX. 315-317).

⁴ *Magnus* - сенатор Нарбонны, консул в 460 г., префект Галлии в 469 г. Отец Проба и Магна Феликса, которые также были друзьями Сидония. Дядя Камилла (см. ниже). Весьма известный в Галлии персонаж, где его уважали за его целостность и практическую мудрость [Dalton, 1915].

⁵ *Camillus* – племянник Магна, родственник Эннодия (христианского поэта и писателя, епископа Павии), уроженец Арья. В статусе *vir illustris* занимал высокие посты до 461 г. (один из них, вероятно, префект претория в Галлии или Италии). В порядке размещения в обществе императора следовал за действующим консулом Северином и консуляром Магном, но перед Пеонием [Martindale, 1980, p. 255].

⁶ *Athenius* – возможно, *vir illustris*. Согласно порядку расположения за императорским столом Атений был по рангу ниже Пеония, но выше Грациания. Упоминается только в данном письме Сидония [Ibid., p. 178].

⁷ *Gratianensis* - *vir illustris*. Упоминается только в данном письме Сидония [Ibid., p. 518]. Имя представляет собой прилагательное (букв. «Грацианский»); переводим существительным.

⁸ Речь идет о размещении присутствующих на стибадии (*stibadium*) – диване или кушетке полукруглой формы (в виде подковы), заменившем классический триклиний. Сtibaдий вмещал до дюжины человек, и самыми почетными считались места с правого и левого края, которые занимали в данном случае, соответственно, император и консул.

⁹ Бывший консул.

хах». Я сказал: «Да будет так», и обернулся, показывая, что хочу помыть руки, и оставался в таком положении, пока быстрый слуга не обошел вокруг стола. Затем я вернулся в свое прежнее положение, и император сказал: «Твое обязательство заключается в том, чтобы в кратчайшие сроки попросить нас о разрешении написать сатиру», а я *<в ответ>*:

*«О могущественный принцепс, я прошу, чтобы таков был твой указ:
пусть тот, кто обвиняет меня, или докажет свои слова, или устрашится».*

[15] Я не хочу показаться тщеславным, но последовавшие за этим аплодисменты были равны тем, что приветствовали *<слова>* Камилла; хотя это, конечно, в гораздо меньшей степени была заслуга самого стиха, нежели скорости, с которой я его сочинил. Тогда император воскликнул: «Я призываю Бога и *<присутствующее здесь>* общество, чтобы засвидетельствовать, что в будущем я даю вам право писать, что вам угодно; обвинение, выдвинутое против вас, не было доказано. Было бы несправедливо, если бы императорское решение допускало такую свободу межличностных раздоров, чтобы по злему умыслу навлекать обвинения на тех представителей знати, невиновность которых полностью лишает их защиты». При этом высказывании я скромно наклонил голову и поблагодарил его; лицо моего противника, которое раньше выказывало признаки ярости и досады, теперь побледнело. Действительно, он почти замер от ужаса, словно получил приказ подставить шею под обнаженный меч палача. [16] Совсем немного еще было сказано, прежде чем все встали из-за стола. Мы отошли на некоторое расстояние от императора и облачились в наши плащи, когда консул подошел ко мне, экс-префекты схватили меня за руки, а мой виновный друг кланялся столь часто и низко, что вызвал всеобщую жалость и поставил меня в еще более высокое *<вызывающее зависть>* положение своими мольбами *<о прощении>*, чем он мог добиться своими инсинуациями. Окруженный толпой знати, я закрыл тему, сказав ему, что он может успокоиться; я воздержусь от написания сатиры на его интриги, пока он воздерживается от клеветы в мой адрес. Ему должно быть достаточно наказания, чтобы впредь он знал, что приписывание мне пасквиля *<только>* добавило мне заслуг и не принесло ему ничего, кроме дискредитации самого себя. [17] В конце концов, клевета досточтимого аристократа, человека, которого я так смутил, не была самой громкой; он был всего лишь сплетником. Но, поскольку по его вине я получил удовлетворение от того, что меня так горячо приветствовали столь многие влиятельные люди, я признаюсь, что, *<наверное>*, стоило вынести скандал ради столь триумфального итога. Прощай».

Список литературы References

1. Дворецкий И.Х. 1976. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е. М., Русский язык, 1096.
1. Dvoreckij I.H. 1976. Latinsko-russkij slovar'. Izd. 2-e. M., Russkij yazyk, 1096. (in Russian)
2. Francese Ch. 2007. Ancient Rome in So Many Words. New York, Hippocrene Books, 248.
3. List of correspondents and persons mentioned in the letters important for the contemporary history of Gaul. In: The Letters of Sidonius, transl., with introd., notes by O.M. Dalton. I Vol. Oxford, 1915.
4. Mathisen R.W. 1996. Julius Valerius Maiorianus. In: De Imperatoribus Romanis. An Online Encyclopedia of Roman Emperors. URL: <http://www.roman-emperors.org/major.htm> (28.07.2017).
5. Mathisen R.W. 1988. The Theme of Literary Decline in Late Roman Gaul. Classical Philology. 83 (1): 45–52.
6. Martindale J.R. et al. 1980. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. AD. 395–527. Cambridge: Cambridge University Press, 1342.
7. Mratschek S. 2013. Creating identity from the past: the construction of history in the letters of Sidonius. In: New Approaches to Sidonius Apollinaris. C. Sollius Apollinaris Sidonius: Briefe Buch I / Ed. by J. A. van Waarden and G. Kelly. Leuven, Peeters, 249–271.
8. Sidonii Apollinaris Epistularum Liber Primus. In: The Latin Library. The Classics Page. The Miscellany. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/sidonius.html> (10.07.2017).
9. Sidonius. 1936. Poems. Letters: Books 1–2 / Transl. by W. B. Anderson. Cambridge, MA, HUP.
10. Smith J.M.H. 2005. Europe after Rome. A New Cultural History 500–1000. Oxford, OUP, 384.